

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. ЧЕХОВА

В январе 2010 года исполнилось 150 лет со дня рождения А. П. Чехова. В преддверии этой памятной даты, уже в октябре 2008 года Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук при участии кафедры истории русской литературы факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета провел Международную научную конференцию, в которой приняли участие многие ведущие чеховеды из России, Украины, Казахстана, Германии, США и Японии.

Образ русских классиков — неотъемлемая и важная составная часть образа России в современном мире. Особое значение в создании этого образа имеет Чехов. Во-первых, это писатель, который, благодаря популярности его драматургии в современном театре, как на Западе, так и на Востоке, остается живым и актуальным явлением. Во-вторых, в отличие от Достоевского, Толстого и Гоголя, Чехов был в гораздо меньшей степени склонен к «срыванию всех и всяческих масок» с дореволюционной России. Он писал скорее об экзистенциальных проблемах бытия вообще, а его изображение русской жизни, при всей критичности, согрето своеобразным лиризмом, поэзией недоволенного идеала. Важно, чтобы образ России как мира Достоевского не затмил, а мирно сосуществовал в современном сознании с образом России, который складывается под влиянием Чехова.

Несмотря на скепсис некоторых современных теоретиков культуры по отношению к миметической концепции литературы, мы знаем Россию последней четверти XIX века — во всяком случае это касается ее бытовой и отчасти интеллектуальной жизни — в значительной степени по произведениям Чехова. Тем более что Чехов был основоположником так называемой «феноменологической прозы», и в его творчестве мы находим не столько ответы на вопросы, волновавшие его самого и его современников, сколько картины жизни и разговоры русских людей в восприятии человека его времени. Вот почему сама Россия того времени — это для нас прежде всего чеховская Россия. Но Чехов не только отчасти запечатлел Россию, какой она была, но и сумел в значительной степени заместить в сознании современников и потомков реальную Россию на Россию свою, чеховскую.

Авторы помещаемых ниже статей пытаются определить специфику этой чеховской России и чеховского художественного мира, подходят к чеховскому творчеству с разных сторон, но нацелены на решение общих проблем, над которыми чеховедение бьется в течение вот уже почти столетия.

В статьях тексты Чехова приводятся по «Полному собранию сочинений и писем» (*Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1974—1983); сокращенно: С. (Сочинения) или П. (Письма) с указанием тома и страницы.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЧЕХОВА

В стремлении определить своеобразие художественного мира Чехова исследователи не раз прибегали к философским параллелям. Это тем более оправданно, что в творчестве писателя зрелого периода отчетливо ощущается философская, в особенности гносеологическая, проблематика.

Одна из таких напрашивающихся и уже проанализированных параллелей — это антирационализм Льва Шестова. По мнению А. Д. Степанова, в чеховском творчестве Шестов «находит оба основных элемента своей философии: отвержение рационального и поиск чудесного, но только в эстетической сфере, через героев».¹ Вопрос, впрочем, можно поставить и по-другому: в какой степени шестовский «апофеоз беспочвенности» порожден творчеством Чехова? Отвечая на него, мы получим еще одну яркую иллюстрацию идеи В. Дильтея о том, что художественная литература прокладывает дорогу философии.² И сам Шестов признавался в том, что истоки своих идей он нашел в художественной литературе,³ а «Апофеоз беспочвенности» (1905), как известно, вырос из замысла книги о Тургеневе и Чехове.

Если говорить о философской ориентации самого Чехова, то, как отмечал тот же Шестов, «единственная философия, с которой серьезно считался и потому серьезно боролся Чехов, был позитивистский материализм. (...) Всем существом своим Чехов чувствовал страшную зависимость живого человека от невидимых, но властных и явно бездушных законов природы».⁴ Вопрос о влиянии на Чехова философии позитивизма недавно получил новое освещение. Признавая, что Чехов «не только испытывал влияние позитивизма, но и полемизировал с крайностями позитивизма», П. Н. Долженков тем не менее чрезвычайно расширил сферу сближения с ним Чехова: «Комплекс: агностицизм, гипотетичность и относительность знаний, — характерен для позитивизма, его составные части примерно в одно и то же время начинают обнаруживаться в произведениях и высказываниях Чехова».⁵

Образ позитивистской философии все же несколько отретуширован исследователем, чтобы придать ему большее сходство с Чеховым: при этом он наделен некоторыми чертами, в большей степени свойственными А. Шопенгауэру. В действительности рационализм и сциентизм позитивизма, исходившего из того, что законы социального мира так же объективны, как и законы природы, решительно разводят его с Чеховым. Критика позитивизма все-таки играет в творчестве Чехова более существенную роль, чем опора на него. Более взвешенную позицию по этому вопросу занимает, как кажется, В. Б. Катаев,⁶ видящий в мироощущении Чехова даже отдельные черты, роднящие его с В. В. Розановым,⁷ а С. Г. Бочаров небезосновательно усмат-

¹ Степанов А. Д. Антон Чехов как зеркало русской критики // Чехов: pro et contra. Творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX—начала XX в. (1887—1914). СПб., 2002. С. 1002—1003.

² См.: Дильтей В. Введение в науки о духе. М., 2000. С. 111.

³ Шестов Лев. Памяти великого философа // Вопросы философии. 1989. № 1. С. 146.

⁴ Шестов Лев. Творчество из ничего (А. П. Чехов) // А. П. Чехов: pro et contra. Творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX—начала XX в. (1887—1914). С. 591.

⁵ Долженков П. Н. Чехов и позитивизм. Изд. 2-е исп. и доп. М., 2003. С. 9. Справедливости ради, стоит отметить, что одна из трех глав этой книги озаглавлена «Чехов против крайностей позитивизма» (С. 103—123).

⁶ Ср.: Катаев В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М., 1979. С. 117—118.

⁷ Катаев В. Б. Чехов и Розанов // Чехов плюс. М., 2004. С. 278—288.

ривает в позиции Чехова близость к подпольному герою Достоевского,⁸ как известно, больше всего нападавшего именно на позитивизм.⁹ Показательно отношение Чехова к русскому философу-позитивисту В. В. Лесевичу, о котором в одном ряду с Н. К. Михайловским и С. Н. Южаковым Чехов писал издательнице журнала «Северный вестник»: «Приглашайте настоящих ученых и настоящих практиков, а об уходе ненастоящих философов и настоящих социологов-паркитистов не сожалейте» (П. 3, 279).

Как известно, в целом ряде произведений Чехова герои или повествователь развивают мысль о том, что людям дано не разрешать вопросы, а лишь наблюдать явления жизни. «Многое было сказано ночью, но я не увозил с собою ни одного решенного вопроса, и от всего разговора теперь утром у меня в памяти, как на фильтре, оставались только огни и образ Кисочки, — сказано в концовке повести «Огни» (1888). — (...) А когда я ударил по лошади и поскакал вдоль линии и когда, темного погоды, я видел перед собою только бесконечную, угрюмую равнину и пасмурное, холодное небо, припомнились мне вопросы, которые решались ночью. Я думал, а выжженная солнцем равнина, громадное небо, темневший вдаль дубовый лес и туманная даль как будто говорили мне: „Да, *ничего не поймешь на этом свете!*“ Стало восходить солнце...» (С. 7, 140; курсив мой. — С. К.).

В. Б. Катаев отказывался распространять агностический дискурс повествователя на самого автора.¹⁰ Напротив, П. Н. Долженков указывал на совпадение позиции повествователя с точкой зрения Чехова, как известно, заметившего в одном из писем: «Пишущим людям, особенно художникам, пора уже сознаться, что *на этом свете ничего не разберешь*, как когда-то сознавался Сократ и как сознавался Вольтер (...) Мы не будем шарлатанить и станем заявлять прямо, что *на этом свете ничего не разберешь*» (П. II, 280—281, 283; курсив мой. — С. К.).¹¹ Эта параллель достаточно убедительна, и все же позиция героя-рассказчика в рассказе сложнее, чем то, как она выражена самим Чеховым в его письме. Ведь заключительным строкам повести «Огни» предшествует следующий текст: «Севши на лошадь, я в последний раз взглянул на студента и Ананьева, на истеричную собаку с мутными, точно пьяными глазами, на рабочих, мелькавших в утреннем тумане, на насыпь, на лошаденку, вытягивающую шею, и подумал:

„Ничего не разберешь на этом свете!“» (С. 7, 140).

«Читатель должен задуматься о том, — замечал по этому поводу В. Б. Катаев, — как, скажем, пес Азорка или мужик, мыкающийся с котлами „по линии“, может быть связан с историей Кисочки? (...) Вот что, оказывается, порождает конечный вывод повествователя: трудно найти сколько-нибудь разумное объяснение связи любого единичного явления, конечно-го фрагмента жизни с бесконечным разнообразием мира».¹² Перед нами все же не столько сами единичные явления, сколько образы внешнего мира, в сознании повествователя соединяющиеся с мыслями об услышанном им вчера. При этом, как верно отмечает П. Н. Долженков, происходит незаметная «подмена мира собой», которая ярче всего проявляется «в ощущении инженера ночью в беседке: „А потом, когда я задремал, мне стало казаться, что шумит не море, а мои мысли, и что весь мир состоит из одного только меня“ (VII, 125). На эту же тему „работает“ в повести и мотив эха, которым

⁸ Бочаров С. Г. Чехов и философия // Филологические сюжеты. М., 2007. С. 343.

⁹ См., например: Белопольский В. Н. Достоевский и позитивизм. Ростов н/Д., 1985. С. 8—12.

¹⁰ Там же. С. 37—38.

¹¹ Долженков П. Н. Указ. соч. С. 11.

¹² Катаев В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. С. 37.

„Огни” и заканчиваются: „Да, ничего не поймешь на этом свете!” (VII, 140) — как будто говорят рассказчику выжженная солнцем равнина, громадное небо и т.п., то есть как бы голос самой природы, но разве это не „эхо” его же предыдущей мысли: „Ничего не разберешь на этом свете!” (VII, 140). Эхо собственных мыслей — едва ли не все, что получает человек извне.¹³ Если перевести все это на философский язык, то, в сущности, можно сказать, что здесь у Чехова декларируется принцип слитности субъекта и объекта, даже их «тождества». А это напоминает уже не позитивистскую, а феноменологическую философию («нет объекта без субъекта», как формулировал этот принцип Э. Гуссерль), которая возникнет на Западе и в России вскоре после смерти писателя. В «Феноменологии и теории познания» (1913—1914) М. Шелера даже утверждалось, что предметы оказывают «сопротивление» их познанию.¹⁴

В повести «Скучная история» (1889) финальный внутренний монолог повествователя «Огней» как бы разбит на «партию» Николая Степановича и «партию» Кати: «Помогите! — рыдает она, хватая меня за руку и целует ее. — Ведь вы мой отец, мой единственный друг! Ведь вы умны, образованы, долго жили! Вы были учителем! Говорите же: что мне делать?»

— По совести, Катя: не знаю...

Я растерялся, сконфужен, тронут рыданиями и едва стою на ногах.

— Давай, Катя, завтракать, — говорю я, натянута улыбаясь. — Будет плакать!

И тотчас же прибавляю упавшим голосом:

— Меня скоро не станет, Катя...

— Хоть одно слово, хоть одно слово! — плачет она, протягивая ко мне руки. — Что мне делать?

— Чудачка, право... — бормочу я. — Не понимаю!» (С. 7, 309).¹⁵ Взаимонепонимание чеховских героев, постоянные «провалы коммуникации»¹⁶ отдаленно напоминают трансцендентальные субъекты в феноменологии Гуссерля, которые составляют сообщества, не соприкасаясь друг с другом непосредственно.¹⁷

Как и в «Огнях», субъект здесь слит с объектом и не способен выйти за собственные пределы, лишь регистрируя происходящее вовне и внутри него: «Она падает на стул и начинает рыдать. Она закинула назад голову, ломает руки, топчет ногами; шляпка ее свалилась с головы и болтается на резинке, прическа растрепалась {...} Я растерялся, сконфужен, тронут рыданиями и едва стою на ногах» (С. 7, 309). «Единонаправленность спекулятивной идеи осложняется конкретной реальностью ситуации, — писал об этой особенности чеховских произведений А. П. Чудаков. — Реальность не просто полней и многообразней. Она — совсем не та, она — иная».¹⁸ В таких произведениях, как «Огни» и «Скучная история», дело обстоит еще сложнее: болезненное осознание героями отсутствия «общих идей» или неудавшееся стремление обрести их идет в них рука об руку с читательским

¹³ Долженков П. Н. Указ. соч. С. 18.

¹⁴ Слинин Я. А. Онтология Николая Гартмана в перспективе феноменологического движения // Гартман Н. К основоположению онтологии / Пер. с нем. Ю. В. Медведева. СПб., 2003. С. 15—21.

¹⁵ Такое противостояние героев можно обнаружить и во многих других произведениях Чехова. Например, аналогичным образом Маша из «Трех сестер», исповедующая: «Или знать, для чего живешь, или все пустяки, трын-трава» (С. 13, 111), — сопоставлена с отнюдь не мучающимся поисками смысла жизни Тузенбахом.

¹⁶ См.: Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М., 2005. С. 305—320.

¹⁷ Слинин Я. А. Указ. соч. С. 14.

¹⁸ Чудаков А. П. Мир Чехова. Возникновение и утверждение. М., 1986. С. 318.

ощущением, что «истинна, по Чехову, только непредвзято увиденная конкретная картина во всей совокупности ее важных и второстепенных признаков».¹⁹ Таких безуспешно пытающихся разобраться в жизни героев, отступающих перед многообразием и непостижимостью сменяющих друг друга картин действительности — в феноменологии объектов, в которые «упираются» акты сознания, — мы встречаем и во многих других произведениях Чехова. Их сознание как бы упирается в явления внешнего мира, не в силах преодолеть границу между ними. Чехов изображает гносеологическую ситуацию, которая и породила основной лозунг философской феноменологии: «К самим вещам!».

В чеховской «Скучной истории» реализован еще один принцип, который заставляет вспомнить о философской феноменологии, придающей значение каждому единичному явлению. «Мои товарищи, терапевты, — рассуждают в повести Николай Степанович, — когда учат лечить, советуют „индивидуализировать каждый отдельный случай“» (С. 7, 298). Как известно, этот принцип Чехов перенес из своей врачебной практики, сложившейся под влиянием научной школы его учителя по медицинскому факультету Московского университета Г. А. Захарьина, и применил не только в «Скучной истории», но и в «Дуэли» и во многих других своих произведениях.²⁰ «В своем последовательном, ни на чем не успокаивающемся разрушении иллюзий, относящихся к „знанию в области мысли“, главную свою задачу Чехов видел», по словам В. Б. Катаева, «в указании на несостоятельность „общих мест“, общих решений, постоянно сталкивая их с конкретными „случаями“, с индивидуальными и единичными явлениями».²¹ Писатель не раз четко формулировал этот принцип и применительно к сфере своих собственных верований: «Я не верю в нашу интеллигенцию. (...) Я верю в отдельных людей и вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям, интеллигенты они или мужики» (II. VIII, 101). Между тем феноменологическая эстетика, например, исходит из того, что законы прекрасного сугубо индивидуальны. Так, Н. Гартман утверждал: «Сущность прекрасного в его неповторимости как особенной эстетической ценности лежит не в них (общих законах. — С. К.), а в особой закономерности единичного предмета».²²

Вообще вопрос о соотношении бытия и сознания нередко решается у Чехова таким образом, который отдаленно напоминает философию тождества. Это происходит, например, в повести «Черный монах» (1893): «Думай, как хочешь, — сказал монах и слабо улыбнулся. — Я существую в твоём воображении, а воображение твоё есть часть природы, значит, я существую и в природе» (С. 8, 241). Однако, может быть, в большей степени это напоминает феноменологическую редукцию Гуссерля и в особенности то, как очень скоро будет решать этот вопрос русская феноменология. Ср., например, мысль С. Л. Франка об «абсолютно безусловном самооткрывающемся бытии», которое «существует и не вне нас и не в нас — или, более того, — одновременно и там и там, потому что мы *существуем в нём*», а также об «укорененности субъекта в этом самооткрывающемся, всеобъемлющем, сверхвременном бытии, из которой следуют нерушимые постоянные онтические связи между познающим со всем познаваемым и познанным...».²³

¹⁹ Там же.

²⁰ Катаев В. В. Проза Чехова: проблемы интерпретации. С. 87—97.

²¹ Там же. С. 88.

²² Гартман Н. Эстетика. М., 1911. С. 211.

²³ Франк С. Л. Абсолютное // Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 67—68. См. подробнее: Невлева И. М. Философия культуры С. Л. Франка. СПб., 2007. С. 80.

«Говоря словами Белого, — пишет А. Д. Степанов, — Чехов „истончает” реальность, вызывает ощущение присутствия иного смысла, то есть текстуализирует свой мир, но никогда не называет его значения. Изображенное становится не миром и не текстом или тем и другим одновременно...».²⁴ Однако и философская феноменология Э. Гуссерля исходит из положения о единстве субъекта и объекта, утверждает «априорную структуру сознания в его слитности с бытием». Еще более близкой философской параллелью к творчеству Чехова является реалистическая феноменология Н. Гартмана и в особенности М. Шелера,²⁵ для которого возвращение к «дающим себя самим вещам» было самым действенным способом истинного метафизического мышления: «Оно не предается беспредметным спекуляциям и конструированию систем, но благодаря исследованию данного и действительного полностью превращает метафизику в „науку” о самом бытии».²⁶

Возможно, еще более близкую философскую параллель к творчеству Чехова можно найти в русской феноменологии С. Л. Франка и Г. Г. Шпета. Ср., например, у Шпета в «Эстетических фрагментах»: «Данность предмета в этом смысле аналитически первее данности смысла, как „подразумевание”, „имение в виду” предмета первее понимания его содержания».²⁷ Или у Франка в «Крушении кумиров»: «Нравственным „идеализмом”, служением отвлеченной „идее” нас больше соблазнить невозможно (...). У нас осталась лишь жажда жизни — жизни полной, живой и глубокой...».²⁸

Особенно близкие к чеховскому художественному миру интенции обнаруживает феноменологическая герменевтика Г. Г. Шпета. Прежде всего «философия как строгая наука», по Шпету, должна учитывать притязания индивида.²⁹ Скептицизм и неверие в возможность общезначимых ответов на смысловожизненные вопросы, полагал Шпет, «вырастают как раз из претензий „объективизма” и „натурализма” решать эти вопросы так, будто они задаются не человеком, а неким посторонним для человеческого мира существом».³⁰ Философия, по его словам, вообще отличается от математики и формально-онтологических дисциплин тем, что «она „материальна”, то есть имеет дело с предметными категориями, формирующими... конкретное содержание, составляющее само сознание в его сущности и в его полноте».³¹ Философствование есть оперирование «живым понятием», непрерывный диалог, который, разворачиваясь, задает форму осуществления истины; это длящаяся, непрерывно конструируемая и воспроизводимая особая реальность.³²

Открывающийся в ходе феноменологического созерцания смысл, как писал Г. Г. Шпет, предстает не как абстрактная форма, а как «то, что внутренне присуще самому предмету, его интимное».³³ Шпет полагал, что фило-

²⁴ Степанов А. Д. Антон Чехов как зеркало русской критики. С. 1007.

²⁵ Именно на них по преимуществу ориентировалась русская феноменология, о чем, в частности, писал в «Сущности русского мировоззрения» С. Л. Франк (Франк С. Л. Русское мировоззрение. С. 167).

²⁶ Зайферт Й. Введение // Антология реалистической феноменологии. М., 2006. С. 50.

²⁷ Шпет Г. Г. Соч. М., 1989. С. 461.

²⁸ Франк С. Л. Соч. М., 1990. С. 253.

²⁹ Шпет Г. Г. Рабочие заметки к статьям Л. И. Шестова // Щедрина Т. Г. «Я пишу как эхо другого...». Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета. М., 2004. С. 334.

³⁰ Порус В. Н. Спор о рационализме: философия и культура (Э. Гуссерль, Л. Шестов и Г. Шпет) // Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. М., 2006. С. 149.

³¹ Шпет Г. Г. Мудрость или разум? // Филологические этюды. М., 1994. С. 222—337.

³² Орехов С. И. Философия и философствование по Г. Г. Шпету // Творческое наследие Густава Густавовича Шпета в контексте философских проблем формирования историко-культурного сознания (междисциплинарный аспект). Томск, 2003. С. 47.

³³ Шпет Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы. М., 1914. С. 154.

софия должна опираться не на абстрактные схемы, которые предписываются реальности человеческим рассудком, а исходить из некоей первичной интуиции, в которой дан субъекту познания мир.³⁴ Русского философа занимало не столько изучение идеальных структур сознания, сколько рассмотрение последнего в историко-социальном и этнологическом контексте, — в плане формирования смысла и его выражения в духе и языке того или иного народа. Тем самым Шпет раньше Гуссерля осознал особую значимость темы «жизненного мира» и начал ее оригинальную разработку.³⁵ Прибавим к этому, что в творчестве Чехова нередко и небезосновательно усматриваются некоторые моменты, из которых позднее развилась экзистенциальная философия. Между тем она возникла на основе феноменологической философии.

В свою очередь художественная феноменология Чехова предопределила так называемую «феноменологическую прозу» XX века — явление, именно в этих терминах описанное сравнительно недавно. Как было показано Ю. В. Мальцевым, в сущности, именно как феноменологический роман продуктивно рассматривать «Жизнь Арсеньева» И. А. Бунина.³⁶ Л. Колобаева предложила распространить это понятие также и на «Доктора Живаго» Пастернака: «Субъективность Бунина и Пастернака в их романах — особого рода: она не только сродни лирическому принципу, она несет в себе убеждение, в основе феноменологическое, в слитности, единстве субъекта и объекта, даже в их „тождестве“ в постижении мира».³⁷ Не случайно Б. Л. Пастернак, как и, например, С. Д. Довлатов или Фр. Горенштейн,³⁸ провозглашал себя принципиальным последователем Пушкина и Чехова.

Предпосылки для создания подобной прозы, как мы видели, были созданы именно Чеховым. Не имея здесь возможности обсуждать вопрос о границах этого явления в русской литературе XX века в целом, попытаемся остановиться на Чехове как на создателе литературы подобного рода и на ее развитии в творчестве Гайто Газданова. В целом ряде произведений Газданова мы находим сходный дискурс, который представляет собой явное развитие чеховского. Особенно напоминает Чехова то, как он представлен в романе «Вечер у Клэр». Диалог дяди Виталия с героем-рассказчиком звучит здесь явным отголоском чеховской «Скучной истории». Ср.: «Теперь ты спрашиваешь меня о смысле жизни. *Я ничего не могу тебе ответить. Я не знаю*»³⁹ и «Ради истинного Бога, скажите скорей, сию минуту, что мне делать? <...> *Ничего я не могу сказать тебе, Катя, — говорю я. <...> По совести, Катя, не знаю*» (С. 7, 308—309; курсив мой. — С. К.). Учитывая, что Газданов был хорошо знаком и даже солидаризировался в своей статье «О Чехове» с шестовским истолкованием Чехова,⁴⁰ это вряд ли случайно.

³⁴ Максиченко Л. А. Проблема первичного знания в философии Г. Г. Шпета // Творческое наследие Густава Густавовича Шпета в контексте философских проблем формирования историко-культурного сознания (междисциплинарный аспект). С. 49—50.

³⁵ Юршиткович Е. А. Возможности герменевтики как метода рационального мышления в философии Г. Шпета // Творческое наследие Густава Густавовича Шпета в контексте философских проблем формирования историко-культурного сознания. С. 126.

³⁶ Мальцев Ю. Иван Бунин. 1870—1953. [М.], 1994. С. 302, 86, 93, 111.

³⁷ Колобаева Л. От временного к вечному. Феноменологический роман в русской литературе XX века // Вопросы литературы. 1998. Май—июнь. С. 141.

³⁸ См.: Зубарева Е. Ю. А. П. Чехов и Ф. Н. Горештейн; Семкин А. Д. Почему Сергею Довлатову хотелось быть похожим на Чехова? // Международная научная конференция «А. П. Чехов и мировая культура: взгляд из 21 века». М., 2010. С. 46—47, 103—104.

³⁹ Газданов Гайто. Собр. соч.: В 5 т. М., 2009. Т. 1. С. 124. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием номера тома римской, а страницы арабской цифрами.

⁴⁰ «...В смысле полной безотрадности, полной отсутствия надежд и иллюзий — с Чеховым, мне кажется, нельзя сравнить никого. — полагал Газданов. — Он как бы говорит: вот

Противопоставление, условно говоря, феноменологического идеологическому подходу к жизни ясно выражено в рассказе дяди Виталия о товарище его юности, который, как и герой-рассказчик, спрашивал его когда-то о смысле жизни, «перед тем как застрелиться»: «Я говорил ему тогда, что есть возможность существования вне таких вопросов: живи, ешь бифштексы, целуй любовниц, грусти об изменах жизни и будь счастлив. И пусть Бог хранит тебя от мысли о том, зачем ты все это делаешь» (I, 124). Позиция идейного демиурга романа «Вечер у Клэр» дяди Виталия отмечена явными отголосками творчества Чехова и философии Шестова. Хотя бы его совет: «Никогда не становись убежденным человеком...» — и отрицание возможности адекватного постижения реальности: «смысл — это фикция, и целесобразность — тоже фикция» (I, 122) — обнаруживают в нем прямого последователя автора «Огней» и «Скучной истории». ⁴¹ Близкой позиции придерживается и главный герой газдановской «Истории одного путешествия»: «не обманывать, не фантазировать и знать раз навсегда, что всякая гармония есть ложь и обман» (I, 180).

И у Газданова, и у Чехова имеет место не только феноменологический дискурс, но и феноменологический тип повествования, при котором именно картины окружающего мира и образы людей, отраженные в сознании героев, и сами особенности их сознания становятся единственными доступными «истинами». Эту особенность собственного повествования о своем участии в гражданской войне герой-рассказчик «Вечера у Клэр» осознает и сам: «Подобно тому, как дома и в гимназии значительные события нередко оставляли меня равнодушным, а мелочи, которым, казалось бы, не следовало придавать значения, были для меня особенно важны, — так и во время гражданской войны бои и убитые и раненые прошли для меня почти бесследно, а запомнились навсегда только некоторые ощущения и мысли, часто очень далекие от обычных мыслей о войне» (I, 121).

Таким образом, художественная феноменология Чехова определила развитие феноменологической прозы, достаточно широко представленной в русской литературе XX столетия. Определить ее границы и, соответственно, пределы влияния Чехова на русскую литературу XX века ⁴² нам еще только предстоит.

каков мир, в котором мы живем (...) Исправить ничего нельзя. Мир таков, потому что такова человеческая природа». Ниже он прямо сослался на известную статью Шестова «Творчество из ничего»: «Лев Шестов, кажется, сказал, что все, к чему прикасается Чехов, увядает, и в этих словах есть что-то чрезвычайно глубокое и правильное» (II, 656—657, 661).

⁴¹ Сходное восприятие жизни Газданов не раз открыто выражал и в публицистической форме. «Страшные события, которых нынешние литературные поколения были свидетелями, — пишет он, — разрушили все те гармонические схемы, которые были так важны, все эти „мировоззрения“, „миросозерцания“, „мироощущения“ и нанесли им непоправимый удар» (О молодой эмигрантской литературе — I, 749).

⁴² Отталкивание от Чехова писателей-модернистов и даже их откровенная публицистическая античеховиана (см.: Чехов и серебряный век. М., 1996; Хализев В. Е. «Античеховиана» XX века // Международная научная конференция «А. П. Чехов и мировая культура: взгляд из 21 века». С. 130—133) были, очевидно, связаны также и с утратой феноменологического отношения к действительности.